

КОНЦЕПЦИЯ «СРЕДНЕЙ СИЛЫ» (MIDDLE POWER) ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

АЛЕКСАНДР ВОРОНЦОВ

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

ТАТЬЯНА ПОНЬКА

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

ЭРИКС ВАРПАХОВСКИС

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Резюме

Актуальность изучения академических дискуссий в незападных странах обусловлена тем, что созданные западными исследователями теории международных отношений, обосновывавшие интересы и ведущую роль Запада в мире, не в состоянии объяснить и спрогнозировать характер и направленность развития нарождающейся системы. Отличительной чертой современных международных отношений стала возросшая роль развивающихся азиатских стран, что оказывает влияние на динамику структуры мироустройства. Возникает потребность теоретически определить роль и место незападных стран в ней. В настоящей статье авторы анализируют Сеульскую школу международных отношений. Целью анализа стал разбор южнокорейской версии концепции «держав среднего уровня». Авторы показывают, что за основу южнокорейские специалисты взяли понятие, разработанное западными исследователями, но придали ему новую интерпретацию, учитывающую региональный контекст. Среди южнокорейских специалистов сложился консенсус в отношении оценки места и роли их страны в регионе и мире. Они обращают внимание на то, что Республика Корея окружена четырьмя ядерными державами, три из которых являются постоянными членами Совета Безопасности ООН. Подобное положение существенно ограничивает возможности и ресурсы влияния Сеула на региональную и мировую политику. Тем не менее достигнутые экономическая и финансовая мощь позволяют Республике Корея вести нишевую дипломатию, направленную на предотвращение столкновений между великими державами в борьбе за гегемонию, содействие мирному разрешению споров между странами региона, установлению норм международного права, более доверительным отношениям между США и Китаем, что способствует поддержанию глобальной и региональной безопасности. Одна из ключевых задач держав среднего уровня, к которым относит себя и Республика Корея, – быть мостом между великими державами.

Ключевые слова:

Республика Корея; международный порядок; держава среднего уровня; теория международных отношений; внешняя политика Кореи.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.01.2020

Дата принятия к публикации: 10.06.2020

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: ponka-rudn@mail.ru

vorontsovav@yandex.ru

erix.vars@gmail.com

Актуальность изучения академических дискуссий в западных странах обусловлена тем, что созданные к настоящему времени западными исследователями теории международных отношений, прежде всего обосновывавшие интересы и ведущую роль Запада в мире, часто оказываются не в состоянии объяснить характер и спрогнозировать векторы развития мирового порядка будущего. Отличительной чертой современных международных отношений стала возросшая роль развивающихся азиатских стран, что оказывает влияние на формирование новой структуры. Возникает потребность теоретически обосновать роль и место западных стран в будущем мире. В настоящей статье авторы анализируют Сеульскую школу международных отношений. Целью анализа стал разбор южнокорейской интерпретации концепции «держав среднего уровня». Авторы демонстрируют, что южнокорейские учёные уточнили понятие, разработанное западными исследователями, наделив его новыми коннотациями, впитавшими особенности регионального и глобального контекста, в который событийно погружена Республика Корея.

Традиционные подходы к трактовке держав среднего уровня будут обрисованы в первом разделе статьи. После этого будут рассмотрены теоретические дискуссии южнокорейских специалистов относительно возможностей её адаптации к азиатской реальности. В работе также анализируются исследовательские и экспертные публикации, раскрывающие возможности реализации среднедержавного статуса Республики Корея в рамках так называемой нишевой дипломатии. В завершение даётся оценка внешнеполитической практики страны в XXI в. и того, в какой степени она соответствует установившимся представлениям о масштабе влияния и паттернах поведения держав среднего уровня.

1

Возникновение в теории международных отношений концепции «держав среднего уровня» (или государств, обладающих «средней силой») восходит ещё к XVI веку.

Её появление связывают с именем итальянского политического деятеля и мыслителя Дж. Ботеро. Он пытался определить место средних государств (самостоятельно обеспечивающих свое выживание) в сопоставлении с великими державами и малыми государствами (которые не могут выжить без защиты со стороны сильных государств) [Botero 2017].

Анализ эволюции концепции «средней силы» провёл датский исследователь К. Холбраад [Holbraad 1984]. Анализируя произведения Дж. Ботеро, он сделал вывод, что державы среднего уровня исключительно живучи и существуют дольше, чем более крупные игроки. Он объяснял это тем, что средние государства не настолько подвержены проявлению агрессии в отношении других стран и менее склонны к борьбе за власть по сравнению с великими державами ввиду ограниченности ресурсов, богатств и амбиций [Holbraad 1984: 11–12].

Позднее, согласно Холбрааду, к концепции «держав среднего уровня» обращались такие европейские мыслители и политические деятели, как французский философ и историк Г. Мабли и немецкий юрист Ю.Ю. Мозер, немецкий генерал К. фон Клаузевиц [Holbraad 1984: 15–18, 20–23]. Они использовали различные критерии для характеристики этой группы государств, включая территорию, численность населения, степень независимости, длительность существования, форму правления и пр.

Между тем разворачивавшиеся в то время дискуссии о том, является ли государство великой державой или державой среднего уровня, преимущественно разворачивались в отношении европейских стран [Holbraad 1984: 25–43]. Такого рода статусы стали придавать неевропейским игрокам лишь в XX веке [Holbraad 1984: 50–51], но даже в этом случае – согласно стандартам, разработанным на Западе. В процессе изучения малых и крупных государств исследователи отмечали относительность предлагаемых оценок, а также размытость выдвигаемых критериев [Holbraad 1984: 15].

Концепция «державы среднего уровня» (*middle power state*) также широка в понимании и размыта. Исследователи, занимающиеся данной проблемой, пришли к выводу, что определить средние государства возможно через их действия: специфическую по формам и практикам «деятельность держав среднего уровня» и их дипломатию.

В отечественной науке интерес к данной концепции также был проявлен относительно недавно. Так, можно выделить работу В.В. Вершининой, посвящённую анализу концептуальных подходов [Вершинина 2020], статью Н.Ю. Кавешникова, посвящённую анализу условий выживания и существования малых и «среднесильных» стран на примере государств–участников Евросоюза [Кавешников 2008], анализ Кудряшовой И.В., в котором отмечается сложность изучения поведения малых и средних стран ввиду их чрезвычайной разнородности и уникальных особенностей [Кудряшова 2008], а также работу А.С. Скрибы, который на примере интеграционных объединений ЕС и ЕАЭС разобрал применение тактик «балансирования» и «примыкания» малыми и средними странами–участницами данных интеграционных объединений.

Отдельно стоит выделить растущий интерес к анализу системы отношений через призму концепции «средней силы» в Юго-Восточной Азии. В частности, Е.В. Колдунова отметила рост субъектности в международных отношениях среди стран АСЕАН в послекризисный период второй декады ХХ века [Колдунова Е.В.]. Между тем А.С. Королёв и К.А. Ефремова оперировали данной концепцией при анализе региональной политики Малайзии [Королёв 2018] и Мьянмы [Ефремова 2008] соответственно.

Корейские специалисты в XXI веке, выработывая собственную позицию по определению «средней силы», отталкивались от дискуссии западных исследователей конца ХХ – начала XXI века [Kim E. 2015: 2]. Как отмечает Ким Ыйгон, несмотря на то что после завершения «холодной войны» воз-

росло значение мультилатерализма и державы среднего уровня стали привлекать больше внимания, сама концепция «средней державы» ещё не закрепились в теории международных отношений [Kim E. 2015: 3]. Ли Сук Чон отмечает, что тема взаимоотношения государств средней силы с великими державами в рамках меняющегося мирового порядка практически не изучалась [Lee 2012: 8]. При этом в середине прошлого десятилетия корейские специалисты довольно охотно принялись изучать и проецировать данную концепцию. В частности, Ким Тон Хи определяет Южную Корею как государство средней силы, отталкиваясь от китайско-корейских отношений и роли Южной Кореи к привлечению Китая к диалогу со странами АСЕАН. При этом корейский специалист подчёркивает, что Южную Корею можно квалифицировать как «среднесильную» как на основании поведения государства, так и на основании внешнеполитических и экономических возможностей и даже через самоопределение. При этом о влиянии Южной Кореи на Китай говорится в перспективе, нежели об актуальном положении дел [Kim T. 2014: 98]

Для корейских специалистов в области международных отношений ключевыми фигурами, которые пытались классифицировать державы среднего уровня, в том числе через анализ их внешнеполитической деятельности, стали Э. Купер, Дж. Пинг, А. Хенриксон, Р. Хиггот, К. Носсал. Так, согласно Э. Куперу, Р. Хигготу и К. Носсалу, державу среднего уровня можно определить (1) через выведение средних показателей в отношении размера населения, экономических показателей и военной силы; (2) через географию, физически или идеологически определяя положение средней страны внутри системы, формируемой великими державами; (3) через нормативный подход, определяющий «среднюю силу» на основе оценок дипломатической активности и влияния на поддержание миропорядка; (4) через общие поведенческие тенденции, в частности через склонность проведения политики «*среднесильности*»

(*middlepowermanship*) [Cooper, Higgott, and Nossal 1993: 12–17]. Данная концепция подразумевает, что государство стремится проводить курс на примирение, выступать в качестве медиатора при поиске компромисса между оппонирующими друг другу странами. Таким образом, особенность этого подхода заключается в установлении статуса страны путём анализа её поведения, а не исходя из её внутренних характеристик.

Дж. Пинг, в свою очередь, пытался разработать статистический метод для определения держав среднего уровня. Его модель инклюзивна в отношении стран Азии, даже несмотря на то, что она отражает преимущественно западные ценности. В частности, из 38 обследованных стран по состоянию на 2000 г., 14 оказались «середняками»¹. Недостаток данного статистического метода состоит в том, что в их число вошли те игроки, которые не демонстрировали склонности к политике «среднесильности» в том виде, в котором она была описана Э. Купером и коллегами [Lee 2012: 8]. Среди стран, которые были отнесены к государствам среднего уровня при применении статистического метода, оказалась Республика Корея, хотя на тот момент её отнести к этой группе можно было лишь с оговорками. В частности, на тот момент Корея ещё не вела себя как «середняк» и попадала в группу «государств-середняков» благодаря статистическим показателям.

Г. Эванс и Б. Грант, Р. Хиггот и А. Хенриксон также анализировали в своих работах отличительные черты держав среднего уровня. В частности, то, какую международную деятельность они должны проводить. Г. Эванс и Б. Грант акцентировали внимание на креативности в ведении дипломатической деятельности, которая должна компенсировать недостаток «жест-

кой силы» [Evans, Grant, 1991: 5]. С креативным подходом Р. Хиггот ассоциировал проведение дипломатии, ориентированной на результат, для которой необходимы навыки переговоров с нетрадиционными игроками, а также вовлечённость и способность вести диалог по таким темам, как интеллектуальная собственность, многосторонние торговые отношения, окружающая среда [Higgott 1997: 25–45]. А. Хенриксон также приходил к выводу о необходимости для стран средней силы быть вовлечёнными в многосторонние переговоры на различных уровнях с целью построения связей, примирения и интеграции [Henrikson 1997].

Отдельно стоит упомянуть труд Дж. Харта, в котором он определил три подхода, с помощью которых можно измерить могущество государств: контроль над ресурсами, контроль над участниками международных отношений и контроль над событиями и результатами [Hart 1976: 289–305]. Разрабатывая собственную концепцию «державы среднего уровня», корейские специалисты обратились к третьему из подходов Харта [Lee 2012: 7].

Дополнительные трудности на пути обоснования статуса Сеула как державы среднего уровня создала выдвинутая Э. Купером концепция трёх волн подъёма стран средней силы. К первой волне относились государства, связанные с Движением неприсоединения (такие как Бразилия, Индия, Югославия), которые в большей степени были критиками сложившегося миропорядка. Вторую волну образовали Алжир, Нигерия, Мексика, которые в 1970-х – 1980-х годах начали проводить политику построения коалиций, а также налаживания межблоковых отношений. В третью волну были включены Аргентина и Малайзия за их деятельность в рамках Кернской

¹ Его метод сочетал 9 статистических показателей (население, площадь, военные расходы, ВВП, реальный рост ВВП, продолжительность жизни, ВНП на душу населения, ценность экспертов, доля торговли в ВВП). Из 38 стран 4 могли оказаться великими державами, 14 – средними, остальные – малыми. Если по этим показателям страна минимум 5 раз оказывалась в топ-4, она в итоге определялась как великая держава. Согласно результатам, 14 среднесильных стран – это Австралия, Канада, Чили, Индия, Индонезия, Иран, Малайзия, Мексика, Сингапур, Филиппины, Южная Корея, Тайвань, Таиланд, Турция. Великими державами оказались Китай, Япония и США [Ping 2005].

группы в 1980-х и 1990-х годах – нишевую дипломатию в отношении торговли сельскохозяйственной продукцией, а также миротворческую деятельность Аргентины в рамках ООН [Cooper 1997: 14–17]. Республику Корея Купер и его коллеги ни к одной из этих волн не относили, потому что до конца XX в. она не проводила на международной арене политику, которая могла бы быть классифицирована как поведение державы среднего уровня.

Предлагая собственное видение западных концепций, южнокорейские специалисты также отталкивались от классификации Э. Джордаана, который выделил классические западные демократические державы среднего уровня², для которых демократизация мира выступала одним из приоритетов политики, и зарождающиеся державы среднего уровня³, которые не так стабильны. Хотя они также в целом демократизированы, в них сохраняются некоторые недемократические практики. Тем не менее они играют роль медиатора в своих регионах [Jordaan 2003: 165–170].

Анализ исследований западных авторов показывает, что их методы ранжирования оценивают государства через призму либеральных ценностей, что негативно влияет на объективность получающейся типологии. Рассматривая взаимоотношения стран в Азии и применимость к их анализу традиционных концепций, следует обратить внимание на дискуссию между американским специалистом корейского происхождения Дэвидом Ч. Кангом и канадским исследователем индийского происхождения Амитавом Ачария. Они обсуждали причины отсутствия «бангкокской, токийской, новоделийской школ международных отношений», а также ограничения на применение импортированных теорий для изучения международных отношений на Востоке [Acharya 2003: 163; Kang 2003: 58; Kang 2004a: 165]. В этой связи Д. Канг ука-

зывал, что для того, чтобы западные теории были применимы к азиатскому контексту, они должны быть доработаны⁴. В частности, он переосмыслил используемую западными специалистами концепцию «иерархии», чтобы она была приложена к реалиям Азии [Kang 2004b: 339]. Д. Канг отмечал в этой связи шесть принципиальных моментов.

Во-первых, для Азии ключевые угрозы исходят не от крупнейших и самых сильных стран, как США или Япония, а от малых – КНДР и Тайвань. *Во-вторых*, вопрос Тайваня нельзя рассматривать через призму Вестфальских концепций: Тайвань – непризнанное государство, хотя многие исследователи относятся к нему как к признанному, потому что оно ведёт подобным образом. *В-третьих*, в Азии до сих пор существуют четыре марксистско-ленинских государства (Китай, Вьетнам, Лаос и в меньшей степени Северная Корея). Несмотря на проведённые реформы, данные страны остаются продуктами коммунистического, антиколониального, антизападного движений. Все эти государства выжили после распада социалистического блока в Европе, а КНДР до сих пор существует вопреки ожиданиям западных экспертов, которые уже давно предсказывали крах государства.

В-четвёртых, Республика Корея и Япония демонстрируют поведение, которое не укладывается в западные объяснения отношения к проблеме Тайваня. Западные реалисты должны предсказывать большее сотрудничество Кореи, Японии, США и Тайваня из-за агрессивной позиции Китая. Тем не менее Корея и Япония воспринимая проблему Тайваня как внутрикитайскую, поэтому предпочитают воздерживаться от вовлечённости. *В-пятых*, поведение Филиппин в отношении США и закрытие американских баз на островах также представляет аномалию для теории.

² Австралия, Канада, Дания, Нидерланды, Норвегия, Швеция.

³ Аргентина, Бразилия, Нигерия, Малайзия, Южная Африка, Турция.

⁴ Более подробно см. в: Kang, D.C.: Hierarchy, Balancing, and Empirical Puzzles in Asian International Relations. Quarterly Journal: International Security. 2004. Vol. 28. No. 3. P. 175–180.

Согласно западным специалистам, Филиппины должны рассматривать Китай как угрозу и должны стремиться удержать американские базы у себя, но в 1990-х годах случилось обратное. В-шестых, видение роли Южной Кореи в Северо-Восточной Азии отличается от того, как её видят в США. Это в том числе касается вопроса, связанного с Северной Кореей: южнокорейские позиции по тому, как должен быть разрешён северокорейский вопрос, отличаются от американских.

2

Рассматривая корейскую концепцию «державы среднего уровня», необходимо учитывать исторический контекст и мотивы развития теории международных отношений в этой азиатской стране, в том числе продиктованные националистическими настроениями. В 1956 г. была основана Корейская ассоциация изучения международных отношений. Долгое время местная школа теории находилась на стадии формирования, а южнокорейские исследователи работали под влиянием американских исследований [Cho 2011; Kook and Young 2009].

В XXI в. на фоне парадигматического плюрализма южнокорейские специалисты в области международных отношений оказались на распутье. С одной стороны, западные теории не способны исчерпывающе описать случай Республики Кореи. С другой — над азиатскими специалистами довлеет авторитет США как крупнейшего центра изучения международной политики, сформировавшего их мировоззрение. Кроме того, развитие собственной теории невозможно без обеспечения признания со стороны мирового научного сообщества. Между тем южнокорейская школа международных отношений должна обслуживать национальные интересы и учитывать исторический опыт, который вобрал в себя борьбу за независимость и сохранение культурных ценностей во времена японской оккупации [Cho 2011]. Это способ-

ствовало тому, что южнокорейские исследователи модифицировали концепцию «державы среднего уровня».

Корейские работы по определению этого понятия условно можно разделить на две группы. Первая ориентирована на создание общей концептуальной основы, «зонтичного» объяснения. Эта задача решается в работах таких авторов, как Ли Сук Чон, Сон Юль, Чун Чэ Сун, Ким Ый Гон, Чхве Ён Чон. Вторая группа работ концентрируется на выведении нишевых концептуальных оснований корейской внешней политики. Этой проблематикой занимаются Ким Сан Бэ (кибербезопасность), Ку Мин Гё (разрешение морских споров), Ким Сун Чин (дипломатия в сфере окружающей среды) и др.⁵

Представители первой группы, взяв за основу теоретические разработки западных коллег, столкнулись с необходимостью их переосмысления. В результате они пришли к выводу, что южнокорейская политика подходит под определение политики державы среднего уровня. Так, Чхве Ён Чон утверждал, что Южная Корея должна более эффективно использовать сложности отношений между Китаем, США, Японией и брать на себя роль посредника в переговорах и выстраивании взаимодействия между этими государствами в регионе ввиду их взаимного недоверия [Choi 2009: 56–58]. Выступая медиатором, страна, таким образом, демонстрирует черты «средней силы» [Choi 2009: 61–63].

Ли Сук Чон, анализируя концепцию «держав среднего уровня», делает вывод о том, что её действительность — это осознанная попытка реализовать позиционный и коммуникационно-сетевой потенциал во внешней политике [Lee 2012: 3]. Развивая данный тезис, исследователь постулировала три условия, необходимых для того, чтобы государство могло соответствовать этому статусу. Во-первых, оно должно обладать достаточной позиционной силой, которая позволила бы применять в своей дипломатии имеющиеся материальные и

⁵ См. также: [Sohn 2014; Ban 2011; Kim J., Kim S. 2016; Hong 2009; Lee 2014].

нематериальные ресурсы. *Во-вторых*, международная и региональная система отношений должна позволять «середняку» быть стратегически важным элементом системы для кооперации между великими державами (то есть последние не могут быть в открыто противостоянии, они не должны делить влияние в регионе только между собой). Наконец, *в-третьих*, держава среднего уровня должна иметь развитые сети взаимодействия, включая как государственные, так и негосударственные каналы. Они должны стать одной из ключевых платформ для проведения дипломатической работы [Lee 2012: 10]. Кроме того, Ли Сук Чон указала на проблему с определением места Сеула в волнах появления «среднесильных» государств, предложенных Э. Купером. Она пришла к выводу, что Республика Корея выступает представителем четвёртой волны [Lee 2012: 14], так как по критериям и временным рамкам, предложенным западным исследователем, она не входит ни в одну из предыдущих.

По мнению Сон Юля, концепция «державы среднего уровня», разработанная на Западе, не должна отвергаться, хотя и требует доработки, потому что система международных отношений находится в процессе изменений, а теоретические наработки должны соответствовать текущему контексту [Sohn 2015: 3]. Помимо этого, в меняющемся мире стране, которая берёт на себя роль державы среднего уровня в регионе, ввиду обладания ограниченными ресурсами, необходимо использовать мягкую силу и сетевую дипломатию. Она может укрепить свой статус, выступая в одном из трёх качеств: (1) объединителя/созывателя, который будет способствовать установлению связей между государственными и негосударственными участниками международных отношений на базе общих интересов и взаимопонимания; (2) брокера, который будет обеспечивать взаимодействие и взаимопонимание между разными системами и сетями; (3) архитектора, который будет партнёром в формировании системы отношений, помогать другим государствам приспособиться к ней, увеличивать эффек-

тивность системы за счёт внесения корректировок, а также который будет поддерживать и обеспечивать систему иерархии [Sohn 2012: 33].

Сон Юль также отмечает, что в процессе развития южнокорейская концепция «дипломатии средней державы» видоизменилась. В частности, произошла переориентация фокуса с региональных проблем на глобальные. Держава среднего уровня, такая как Республика Корея, должна способствовать увеличению степени связанности государств друг с другом, обмену информацией и установлению отношений в рамках коалиций. Корею для подтверждения её статуса необходимо оставаться брокером и устанавливать правовые рамки взаимодействия путем проведения *нишевой дипломатии* [Sohn 2015: 4].

По вопросу значимости и первостепенности проведения нишевой дипломатии для держав среднего уровня с Сон Юлем соглашается и Ким Ый Гон: «среднесильное» государство, ввиду неспособности менять международный порядок, систему международных отношений и влиять на национальную безопасность сильных стран, должно действовать в рамках мультилатерализма при решении таких вопросов, как преодоление последствий экономических кризисов, нераспространение оружия массового поражения, изменение климата, природные катастрофы, вопросы устойчивого развития [Kim E. 2015: 4].

Уточнение концепции «держав среднего уровня» провёл Чун Чэ Сун, подчеркнув, что такое государство может быть определено через модель поведения и должно: (1) помогать великим державам уменьшать стратегическое недоверие; (2) находить и предлагать механизмы решений конкретных проблем и споров; (3) развивать многосторонние институты взаимодействия между государствами или же участвовать в деятельности существующих; (4) в превентивной манере импортировать в Восточную Азию разработанные международные нормы, которые будут помогать в разрешении возникающих проблем; (5) поддерживать сетевое взаимодействие с другими государ-

ствами средней силы, которые преследуют похожие цели. Решение последней задачи необходимо для укрепления их позиций в отношении великих держав. Данные положения концепции обсуждались и другими корейскими специалистами [Kim S. 2014b; Kim S. 2011; Kim W. 2013; Koо 2010; Sohn, Koо 2011].

Чун Чэ Сун, учитывая ситуацию в Восточной Азии, а именно: наращивание военно-политической и экономической мощи Китая в регионе, утверждает, что Республика Корея в качестве державы среднего уровня должна реформировать региональную систему безопасности с тем, чтобы она и другие страны этой весовой категории имели право голоса в международных вопросах [Chun 2014a: 48–49].

Исходя из устоявшихся поведенческих шаблонов, по мнению южнокорейских специалистов, можно определить Республику Корею в XXI в. как державу среднего уровня. Ключевой целью дипломатии такого государства остаётся снижение рисков войны. В частности, она стремится предотвращать военные столкновения между великими державами в борьбе за гегемонию в её регионе. Они также добиваются мирного разрешения тех споров третьих стран, которые могут повлиять на отношения между великими державами. Современная держава среднего уровня добивается укрепления норм международного права и содействует установлению доверительных отношений между основными игроками в своём регионе. Если говорить о современной Азии, то речь в первую очередь идёт о США и Китае [Chun 2014b: 11].

Таким образом, корейская версия концепции «державы среднего уровня» приоритезирует выявление поведенческих тенденций государства и оценку их соответствия конкретным поведенческим моделям. В обоснование четвёртой волны становления такого рода игроков, в которую они

включают и Республику Корея, исследователи выводят критерии, требующие от стран: (1) выступать связующим звеном между государствами (как великими державами, так и странами других рангов) и негосударственными участниками международных отношений, организовывая и поддерживая площадки для ведения переговоров; (2) выступать посредником в переговорах, в том числе в случае разрешения региональных и международных споров; (3) участвовать в формировании региональной системы отношений и безопасности, в том числе за счёт приспособления норм международного права к местным реалиям.

Стоит подчеркнуть, что хотя строгая иерархическая концепция (времен Китайской империи)⁶ неактуальна для оценки современной системы отношений в Азии, корейские исследователи соглашаются с наличием элементов иерархии на международной арене. Республика Корея пользуется статусом средней державы, участвующей в поддержании миропорядка, но не претендует на статус великой державы, таким образом признавая, что есть государства, обладающие большими возможностями влияния и ресурсами в регионе и мире.

З

Академическое сообщество Южной Кореи, разрабатывающее концепцию «державы среднего уровня», уделяет много внимания такому понятию, как нишевая дипломатия. Исследователи рассчитывают, что с его помощью государства могут компенсировать ограниченность ресурсов и возможностей влияния. В этой связи они фокусируются на таких сферах, как кибербезопасность, миротворческая деятельность, защита окружающей среды.

Ким Сан Бэ, анализируя место вопросов кибербезопасности в дипломатии средней державы, отмечал, что отношения между

⁶ До конца XIX в. Корея следовала концепции Синоцентричности мира («служить крупным княжествам и опекать малые» 事大主义), где Император Китая получал власть с небес, а Корея выступала как зависимое и подчинённое Китаю государство и не стремилось занять место великой державы, придерживаясь существующей иерархии [Chun 2010: 75].

странами и негосударственными игроками в киберпространстве стремительно развиваются. При этом они слабо формализованы. На этом фоне такому государству, как Республика Корея, необходимо пользоваться своими позиционными возможностями, брать на себя роль брокера и дизайнера регулирования киберпространства. Ким Сан Бэ назвал данный подход метапрограммированием, так как, в отличие от великих держав, государства-середняки могут предлагать решения на базе смешанных нормативных систем взаимоотношений [Kim S. 2014a: 342–344].

Ку Мин Гё, рассматривая противоречия государств региона на морских пространствах и применимость к ним южнокорейской дипломатии средней державы, отметил, что данная тема требует дополнительного внимания. Международно-правовая система, регулирующая эту проблематику, остаётся недоработанной, а урегулирование разногласий необходимо переводить в плоскость многосторонних отношений (а не двухсторонних), так как существующие споры влияют на взаимоотношения между Китаем, Японией, Кореей, Россией и странами АСЕАН. Дипломатия средней державы, соответственно, должна заключаться в разработке структуры взаимодействия стран, а также формировании норм, которые будут касаться не только территориальных споров между странами, но вопросов, связанных с выловом рыбы и защитой окружающей среды [Коо 2014: 18].

Ким Сун Чин, анализируя подходы Республики Корея к проблемам защиты окружающей среды, выделяет четыре ключевые модели поведения державы среднего уровня. Она может действовать как первопроходец, который выступает инициатором и страной-примером для индустриально развитых стран по применению норм, сокращающих выбросы в атмосферу [Kim S. 2014c: 19]. Она способна претендовать на роль моста, который выступает посредником в переговорах между великими державами и остальными государствами, по-

могая найти консенсус в решении вопросов, связанных с загрязнением окружающей среды [Kim S. 2014c: 21–22]. Держава среднего уровня также порой выступает координатором коалиций, который выстраивает и поддерживает платформы и объединения, где взаимодействуют государственные и негосударственные участники МО [Kim S. 2014c: 25–29]. Наконец, она принимает на себя роль распространителя норм. В рамках четвёртой модели Республика Корея, например, инициировала принятие концепции «зелёного роста» [Kim 2014c: 29–30].

Анализируя концепцию «средней державы» как на более общем, абстрактном уровне, так и на уровне конкретных примеров нишевой дипломатии, южнокорейские исследователи предпочитают не абстрагироваться от текущей внешнеполитической повестки Сеула. На сегодняшний день стремление проводить инициативную региональную дипломатию выступает одним из приоритетов стратегии Республики Корея.

4

Южнокорейские политики стали обращаться к концепции «средней силы» ещё в начале XXI века. При этом каждая правящая администрация вносила коррективы во внешнеполитический курс, обогащая его своим видением этой концепции. В частности, политика периода президентства Но Му Хёна (2003–2008) была ориентирована на региональную повестку. Она позиционировала Южную Корею как ключевого игрока в Северо-Восточной Азии, отстаивающего взаимодействие между различными странами. Данная политика внесла трудности во взаимодействие с США, потому что Сеул начал отдаляться от тесного партнёрства с ними в угоду собственным интересам. Во времена нахождения у власти Ли Мён Бака (2008–2013) Южная Корея стала в большей степени осознавать себя в качестве державы среднего уровня, подчёркивая свою значимость в глобальном масштабе⁷. Именно в период правле-

⁷ Ключевым слоганом был “Global Korea” («Глобальная Корея»).

ния этого президента она начала активно участвовать в мировой политике, формируя повестку дня на таких международных форумах, как «группа двадцати» и ОЭСР. В этот период Республика Корея также стала проводить нишевую дипломатию (в том числе в области кибербезопасности, защиты окружающей среды). Отношения с США были более тесными в сравнении с предыдущим периодом. Правление Пак Кын Хе (2013–2017) характеризовалось стремлением южнокорейской дипломатии по выстраиванию «равной дистанции» в отношениях с США и Китаем. При этом деятельность державы среднего уровня (в том числе реализация нишевой дипломатии) в других плоскостях также продолжилась [Kim S. 2016].

Правящие администрации демонстрировали переменные успехи в осуществлении нишевой дипломатии. В частности, попытки Южной Кореи повлиять на мировую политику в области кибербезопасности и взаимоотношения азиатских государств на море не увенчались успехом. Инициативы в этих областях пока существуют лишь в форме планов на будущее. При этом Сеул стал активным участником миротворческих операций ООН [Ye, Neo, Li 2018; Ko 2015]. Он также зарекомендовал себя как донор, помогающий странам-реципиентам ОЭСР как финансированием, так и через содействие в сфере образования [Varpahovskis 2020]. В частности, Республика Корея запустила программу Сэмабль Ундон⁸ в развивающихся странах [Ayhan 2019]. В рамках политики содействия международному развитию она эксплуатировала имидж уникальной страны, которая превратилась из страны-реципиента в страну-донора ОЭСР [Howe 2017; Ayhan 2019].

Кроме того, успеха добились несколько проектов в области защиты природы и

борьбы с изменением климата, направленные на развитие зелёной экономики, которые реализует Республика Корея. Самым известным стал Институт глобального зелёного роста (Global Green Growth Institute), с помощью которого Сеул в кооперации с другими странами и фондами помогает развивать экологичное производство по всему миру [Watson & Pandey 2015].

В президентство Мун Чжэ Ина Республика Корея переживает кризис идентичности во внешней политике. Развивая связи с КНДР, Сеул дистанцировался от близких отношений с США и Китаем [Robertson 2019]. С Японией в 2019 г. уровень взаимодействия достиг критического минимума. Обязательства, взятые администрациями Ли Мён Бака и Пак Кын Хе по сокращению выбросов в атмосферу, выполнены не были, и администрация Муна их выполнить тоже не сможет⁹. Это негативно отражается на возможности ведения зелёной дипломатии.

МИКТА – неформальное объединение Австралии, Индонезии, Мексики, Турции и Республики Корея, инициированное Сеулом и преследующее задачу объединения усилий держав среднего уровня, находится в стагнирующем состоянии. Это тоже порождает репутационные потери и сомнения в том, что Республика Корея проводит внешнюю политику, соответствующую статусу державы среднего уровня [Green 2019: 10].

Неудачи Сеула во второй половине 2010-х годов привели к постановке вопроса, не закончилась ли эпоха, когда Республика Корея могла определять себя в качестве «средней силы». Страна находится в поиске новых внешнеполитических концепций или модернизации старых [Green 2019; Easley, Park 2017]. Растущий скепсис выразил Кадир Айхан, поставивший во-

⁸ Сэмабль Ундон (кор. 새마을 운동) или Движение за Новую Деревню. Изначально это была программа по модернизации деревень при диктаторе Пак Чун Хи в 1970-х. Программа была ребрендрована и перезапущена для применения в сельских районах развивающихся стран при президенте Пак Кын Хе.

⁹ Climate Transparency. Brown to Green: G20 Transition to a Low C Economy. Republic of Korea. 2016. URL: https://www.climate-transparency.org/wp-content/uploads/2016/09/Korea_Country-Profile.pdf (дата обращения: 21.10.2019).

прос о том, не была ли «среднедержавность» лишь проектом по брендированию страны, предпринятым администрацией Ли Мён Бака [Ayhan 2019].

Тем не менее не стоит считать неактуальной данную концепцию, так как президент Мун Чжэ Ин будет находиться у власти максимум до 2022 года. Следующий лидер может более активно опираться на неё, что может привести к пересмотру критериев «среднедержавности» государства. Это предположение опирается на несколько объективных предпосылок. *Во-первых*, в геостратегическом плане Республика Корея продолжает находиться в специфическом положении в сравнении с западными державами среднего уровня. Она окружена четырьмя мощнейшими государствами (США, Китай, Япония, Россия), три из которых являются постоянными членами Совета Безопасности ООН. Одновременно с этим Республика Корея окружена четырьмя ядерными державами.

При этом вопрос объединения двух стран на Корейском полуострове остаётся открытым. Он может рассматриваться и как внутренняя корейская проблема, и как вызов безопасности региона. Республика Корея находится в центре одного из самых густонаселённых и динамично развивающихся регионов мира, в котором проживает $\frac{1}{5}$ часть всего населения планеты. С культурно-исторической точки зрения она имеет глубокие и тесные связи с китайской цивилизацией. При этом в XX–XXI веках, динамически развиваясь и стараясь соответствовать мировым стандартам, Сеул перенимает и применяет (в том числе и в науке) достижения Запада.

Во-вторых, как отмечала посол Республики Корея по публичной дипломатии Энна Пак, Южная Корея продолжает развивать средства мягкой силы и будет использовать инновационные методы публичной дипломатии, которая является неотъемлемой частью дипломатии средней державы [Park 2017]. *В-третьих*, Республика Корея выступает одним из инициаторов и участников МИКТА. Участвуя в данной ассоциации, она закрепила за собой статус держав

вы среднего уровня. В рамках дальнейшей работы в этом объединении любому руководству страны, вне зависимости от личных представлений, придётся придерживаться концепции «среднедержавности» во внешней политике. Наконец, сама эта концепция остаётся довольно размытой, что позволяет интерпретировать и развивать её.

Таким образом, можно ожидать, что внешняя политика Республики Корея будет опираться на собственную версию концепции «державы среднего уровня». В ней будут отражаться и текущий геополитический, и историко-культурный контексты. С точки зрения развития теории международных отношений стоит ожидать, что не только Сеул, но и ряд других стран будут разрабатывать собственные версии концепции «средней силы» в попытках отразить собственный статус и видение мира.

* * *

Южнокорейская школа теории и истории международных отношений прошла длительный путь развития и до сих находится в процессе становления. Местные исследователи восприняли систему представлений о международных отношениях через призму иерархии, сформированную во времена Китайской империи, но одновременно овладели западными концепциями (в частности, понятием «державы среднего уровня»). Они адаптируют импортированные теоретические положения под географический, экономический и политический контекст, в котором существует Республика Корея. Согласно западной интерпретации, не обладая достаточными ресурсами и размерами, Республика Корея могла быть отнесена к державам среднего уровня только в случае соответствия её внешнеполитического поведения ряду критериев.

Путём проведения посреднической деятельности между великими державами, различными государственными и негосударственными участниками международных отношений, через влияние на мировую повестку дня посредством нишевой дипломатии Сеул завоёвывал и поддержи-

вает этот статус. К его голосу прислушиваются не только в регионе, но и за его пределами. При этом государственные деятели и исследователи демонстрируют, что для концептуализации южнокорейской внешней политики в XXI в. недостаточно применять западные подходы. Необходимо учитывать контекст, в котором находится Республика Корея. Местные специалисты доработали концепцию «державы среднего уровня» с тем, чтобы подчеркнуть возросшее значение Сеула в современном мире.

Южнокорейские теоретики смогли выделить, подчеркнуть и скорректировать аспекты концепции, созданной на Западе, чтобы она была применима к азиатским реалиям. В частности, они делали акцент на проведении нишевой дипломатии. Развивая концепцию «державы среднего уровня», исследователи из Республики Корея отталкиваются от текущей повестки дня государства, что способствует отражению теоретических разработок в рекомен-

дациях государственным деятелям и внешней политике.

Отличительными чертами формирующейся Сеульской школы международных отношений выступает практическое использование изначально западных концепций, которые были видоизменены и адаптированы к применению в незападном контексте. С точки зрения развития теории международных отношений как дисциплины пример попытки Республики Корея сформировать собственный теоретический дискурс показателен, поскольку отражает трудности и процессы, с которыми сталкиваются страны при выработке концептуальных обоснований в системе международных отношений. По мере большего вовлечения в глобальную политику другие азиатские государства, набирающие вес в мировой экономике и политике, также станут обосновывать свою роль в современном мире, и опыт Южной Кореи может быть ими востребован.

Список литературы

- Вершинина В.В.* «Державы среднего уровня» в международных отношениях: сравнительный анализ концептуальных подходов // Сравнительная политика. 2020. Т. 11. № 3. С. 25–40. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10034>
- Ефремова К.А.* Неравновесные державы: Мьянма в стратегическом треугольнике «Китай – Индия – АСЕАН». М.: МГИМО-Университет, 2016. 269 с.
- Кавешников Н.Ю.* Малые и вредные? // Международные процессы. 2008. Т. 6. № 3 (18). С. 84–92.
- Королёв А.С.* Стратегии средних стран в отношении великих держав: опыт Малайзии // Международные процессы. 2018. Т. 16. № 1. С. 90–104.
- Колдунова Е.В.* Дефицит лидерства в Восточной Азии: шансы для малых и средних стран // Международные процессы. 2016. Т. 9. № 2 (26). С. 70–81.
- Кудряшова И.В.* Легко ли быть средневеликим // Международные процессы. Т. 6. № 3 (18). С. 78–83.
- Скриба А.С.* Балансирование малых и средних государств // Международные процессы. 2014. Т. 12. № 4. С. 88–100.
- Acharya A.* Will Asia's Past Be Its Future? // *International Security*. 2003. Vol. 28. No. 3. P. 149–164.
- Ayhan K.J.* Rethinking Korea's Middle Power Diplomacy as a Nation Branding Project // *Korea Observer*. 2019. Vol. 50 No. 1. P. 1–24.
- Ban K.* The ROK as a Middle Power: Its Role in Counterinsurgency // *Asian Politics & Policy*. 2011. Vol. 3. No. 2. P. 225–247.
- Botero G.* *Botero: The Reason of State* / ed. by J. Bireley. Cambridge University Press. 2017. 273 p. DOI: 10.1017/9781316493953
- Cho Y.C.* Recent discourses on constructing a Korean National School of IR: A reality check. Re-examination of Non-Western International Relations Theories. Kyoto Working Paper on Area Studies. 2011. Vol. 118. P. 66–94.
- Choi Y.* South Korea's strategy and Middle Power Activism // *The Journal of East Asian Affairs*. 2009. Vol. 23. No.1. P. 47–67.
- Chun Ch.* Middle power policies as international strategy. Seoul National University. Dissertation. S-space. 2014a. 77 p.
- Chun Ch.* East Asian Security and South Korea's Middle Power Diplomacy // *EAI MPDI Working Paper*. 2014b. No. 6. 21 p.

- Cooper A., Higgott R. and Nossal K. *Relocating Middle Powers: Australia and Canada in a Changing World Order*. UBC Press. Vancouver. 1993. 232 p.
- Cooper A. *Middle Powers after the Cold War*. Palgrave Macmillan. 1997. 221 p. DOI: 10.1007/978-1-349-25902-1.
- Easley L.E., Park K. South Korea's mismatched diplomacy in Asia: middle power identity, interests, and foreign policy // *International Politics*. 2018. Vol. 55. No. 2. P. 242–263.
- Evans G., Grant B. *Australia's Foreign Relations: in the World of the 1990s*, Melbourne: Melbourne University Press, 1991. 389 p.
- Green M.J. Is the Era of Korean Middle Power Diplomacy Over? A Realist Perspective // *Korean journal of defense analysis*. 2019. Vol. 31. No. 1. P. 1–20.
- Hart J. Three approaches to the measurement of power in international relations // *International Organization*. 1976. Vol. 30. No. 2. P. 289–305. DOI: 10.1017/S0020818300018282.
- Henrikson A.K. *Middle Powers as Managers: International Mediation within, across, and outside Institutions // Niche Diplomacy. Middle Powers after the Cold War / ed. by A. Cooper. (ed.) Palgrave Macmillan. 1997. 221 p. DOI: 10.1007/978-1-349-25902-1.*
- Higgott R.A. *Issues, Institutions and Middle-Power Diplomacy: Action and Agendas in the Post-Cold War Era // Niche Diplomacy. Middle Powers after the Cold War / Cooper A. (ed.), Palgrave Macmillan. 1997. 221 p. DOI: 10.1007/978-1-349-25902-1.*
- Holbraad C. *Middle powers in international politics*. Palgrave Macmillan UK. 1984. 234 p. DOI:10.1007/978-1-349-06865-4.
- Hong K. South Korean approaches to Peacekeeping and Peacebuilding, lessons learned and challenges ahead // *The Journal of East Asian Affairs*. 2009. Vol. 23. No. 1. P. 23–45.
- Howe B.M. Korea's Role for Peacebuilding and Development in Asia // *Asian Journal of Peacebuilding*. 2017. Vol. 5. No. 2. P. 243–266.
- Jordaan E. The concept of a middle power in international relations: distinguishing between emerging and traditional middle powers // *Politikon – South African Journal of Political Studies*. 2003. Vol. 30. No. 1. P. 165–181. DOI: 10.1080/0258934032000147282.
- Kang D.C. Getting Asia Wrong: The Need for New Analytical Frameworks // *Quarterly Journal: International Security*. 2003. Vol. 27. No. 4. P. 57–85.
- Kang D.C. Hierarchy, Balancing, and Empirical Puzzles in Asian International Relations // *Quarterly Journal: International Security*. 2004a. Vol. 28. No. 3. P. 165–180.
- Kang D.C. The theoretical roots of hierarchy in international relations // *Australian Journal of International Affairs*. 2004b. Vol. 58. No. 3. P. 337–352.
- Kim E. Korea's Middle-Power Diplomacy in the 21st Century // *Pacific Focus*. 2015. Vol. 30. No. 1. P. 1–9. DOI: 10.1111/pafo.12044.
- Kim J., Kim S. South Korea's Middle Power Diplomacy: Toward an Agenda-Partner Based Leadership // *Korean journal of defense analysis*. 2016. Vol. 28. No. 2. P. 317–333.
- Kim S. Cyber Security and Middle Power Diplomacy: A Network Perspective // *The Korean Journal of International Studies*. 2014a. Vol.12. No. 2. P. 323–352. DOI: 10.14731/kjis.2014.12.12.2.323.
- Kim S. Roles of Middle Power in East Asia: A Korean Perspective. EAI MPDI Working Paper. 2014b. No. 2. 30 p.
- Kim S. South Korea's Climate Change Diplomacy: Analysis Based on the Perspective of 'Middle Power Diplomacy'. EAI MPDI Working Paper. 2014c. No. 5. 39 p.
- Kim S. South Korea's Middle-Power Diplomacy: Changes and Challenges. Research Paper, Asia Programme. Chatham House Royal Institute of International Affairs. 2016. 16 p.
- Kim S. 한국의 네트워크 외교전략 – 행위자-네트워크 이론의 원용 [Strategies of Korean Network Diplomacy – Perspective of Actor-Network Theory (In Kor.)]. KAIS International Conference 2011.
- Kim T. South Korea's Middle Power Response to the Rise of China. // *Middle powers and the rise of China/ Gilley B., O'Neil A. (ed.)*. Georgetown University Press, 2014. 84 p.
- Kim W. 대한민국의 중견국 공공외교 [Korean middle power diplomacy (In Kor.)] // *Political Science and Communication research*. 2013. Vol. 16. No. 1. P. 331–350.
- Koo M. East Asian Maritime Disputes and South Korea's Middle Power Diplomacy. EAI MPDI Working Paper. 2014. No. 7. 21 p.
- Koo M. Island disputes and maritime regime building in East Asia: Between a rock and a hard place. Springer: 2010. 208 p.
- Ko S. The Foreign Policy Goal of South Korea's UN Peacekeeping Operations // *International Peacekeeping*. 2015. Vol. 22. No. 1. P. 65–80.
- Kook K.H., Young C.Y. International relations studies in Korea: retrospects and prospects // *Pacific Focus*. 2009. Vol. 24. No. 3. P. 402–421.
- Lee S. South Korea as new middle power-seeking complex diplomacy. EAI Asia Security Initiative Working Paper. 2012. No. 25. 32 p.

- Lee S.* South Korea's Middle Power Diplomacy: Multilayered World Order and The Case of Development Cooperation Policy. EAI MPDI Working Paper. 2014. No. 6. 28 p.
- Park E.* Public Diplomacy of the Republic of Korea: Soft Power and the Future. Challenges & Innovations: South Korea's Soft Power. CPD Conversations in Public Diplomacy. 10 October University of South California. Los Angeles. 2017. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=w7jff1C7yyE> (дата обращения: 21.10.2019).
- Ping J.H.* Middle Power Statecraft: Indonesia, Malaysia, and the Asia-Pacific. Ashgate Publishing. 2005. 270 p.
- Robertson J.* South Korea's missing middle power diplomacy. East Asia Forum. 16 March 2019. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2019/03/16/south-koreas-missing-middle-power-diplomacy/> (дата обращения: 21.10.2019).
- Sohn Y.* Middle Powers' Like South Korea Can't Do Without Soft Power and Network Power // Global Asia. 2012. Vol. 7. No. 3. P. 30–34.
- Sohn Y.* Searching for a new identity: South Korea's middle power diplomacy. Fridt Policy Brief. 2015. No. 212. P. 1–6.
- Sohn Y.* The Role of South Korea in the Making of a Regional Trade Architecture: Convening, Bridging, and Designing FTA Networks. EAI MPDI Working Paper. 2014. No. 8. 23 p.
- Sohn Y., Koo M.* Securitizing trade: the case of the Korea–US free trade agreement. International Relations of the Asia-Pacific. 2011. Vol. 11. No. 3. P. 433–460.
- Varpahovskis E.* Generating Soft Power Through Education: How South Korea approaches Central Asia with its Education Diplomacy // Contemporary Issues of International Relations: The Problems of International Community / Erendor M., Öztarsu M. (eds.). Cambridge Scholars Publishing. 2020. 421 p.
- Watson I., Pandey C.L.* Environmental security and new middle powers: The case of South Korea // Asian Security. 2014. Vol. 10. No. 1. P. 70–95.
- Ye M., Heo U., Li Q.* Economic Development and South Korea's UN PKO Participation // Journal of Asian and African Studies. 2018. Vol. 53. No. 5. P. 666–684.

MIDDLEPOWERMANSHIP IN KOREAN FOREIGN POLICY

ALEXANDR VORONTSOV

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, 107031,
Russian Federation

TATYANA PONKA

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, 117198, Russian Federation

ERIKS VARPAHOVSKIS

National Research University – Higher School of Economics, Moscow, 101000, Russian Federation

Abstract

As a result of the Post-Cold War development, the international relations have shifted from bipolarism to a multipolarism. Once relevant Western-born IR theories lack explanatory power. Current IR witness the growing role of the non-Western states both in regional and international domains. Consequently, there is a growing need for appropriate IR theories that could explain the changing world structure, describe the role of new powers in international politics and define future development. Thus, it is essential to study non-Western research that focuses on conceptualization of ongoing processes from its perspective.

The authors analyze the IR theories developed by South Korean scholars. The purpose of this article is to analyze South Korean interpretations of the middlepowermanship that considers the Republic of Korea's

unique regional and global context. South Korean scholars agree on a particular geostrategic location of the state. The geopolitical location, absence of natural resources and limited military power hinder South Korea's ability to use hard power in regional and international politics. However, South Korea's economic development and creative approach in foreign policy translate into middle power diplomacy, which includes niche diplomacy, moderating role in relations between greater powers, regional cooperation promotion, and development of the international legal system.

The authors conclude that the South Korean version of the middle power theory is continuously being (re) interpreted and adapted to the country's foreign policy and South Korea should be a bridge between the great powers in the region.

Keywords:

Republic of Korea; Middle Power; Seoul school of IR; Korean Foreign Affairs.

References

- Acharya A. (2003). Will Asia's Past Be Its Future? *International Security*. Vol. 28. No. 3. P. 149–164.
- Ayhan K. J. (2019). Rethinking Korea's Middle Power Diplomacy as a Nation Branding Project. *Korea Observer*. Vol. 50. No. 1. P. 1–24.
- Ban K. (2011). The ROK as a Middle Power: Its Role in Counterinsurgency. *Asian Politics & Policy*. Vol. 3. No. 2. P. 225–247.
- Botero G. (2017). *Botero: The Reason of State*. Bireley J. (Ed.). Cambridge University Press. 273 p. DOI: 10.1017/9781316493953
- Cho Y. C. (2011). Recent discourses on constructing a Korean National School of IR: A reality check. Re-examination of Non-Western International Relations Theories. *Kyoto Working Paper on Area Studies*. Vol. 118. P. 66–94.
- Choi Y. (2009). South Korea's strategy and Middle Power Activism. *The Journal of East Asian Affairs*. Vol. 23. No. 1. P. 47–67.
- Chun Ch. (2014a). *Middle power policies as international strategy*. Seoul National University Dissertation. S-space. P. 1–77.
- Chun Ch. (2014b). East Asian Security and South Korea's Middle Power Diplomacy. *EAI MPDI Working Paper*. No. 6. P. 1–21.
- Chun Ch. (2010). Why is there no non-Western international relations theory? Reflections on and from Korea. In Acharya A., Buzan B. (Eds.) *Non-Western international relations theory: perspectives on and beyond Asia*. Routledge. London. UK. 248 p.
- Cooper A., Higgott R., Nossal K. (1993). *Relocating Middle Powers: Australia and Canada in a Changing World Order*. UBC Press. Vancouver. 232 p.
- Cooper A. (1997). *Middle Powers after the Cold War*. Palgrave Macmillan. 221 p. DOI: 10.1007/978-1-349-25902-1.
- Easley L. E., Park K. (2018). South Korea's mismatched diplomacy in Asia: middle power identity, interests, and foreign policy. *International Politics*. Vol. 55. No. 2. P. 242–263.
- Efremova K.A. (2016). *Neravnovesnye derzhavy: Myanma v strategicheskom treugol'nike "Kitaj – Indiya – ASEAN"* [Unbalanced Powers: Myanmar in the Strategic Triangle "China – India – ASEAN"]. Moscow: MGIMO-Universitet. 269 p.
- Evans G., Grant B. (1991). *Australia's Foreign Relations: in the World of the 1990s*. Melbourne: Melbourne University Press. 389 p.
- Green M. J. (2019). Is the Era of Korean Middle Power Diplomacy Over? A Realist Perspective. *Korean journal of defense analysis*. Vol. 3. No. 1. P. 1–20.
- Hart J. (1976). Three approaches to the measurement of power in international relations. *International Organization*. Vol. 30. No. 2. P. 289–305. DOI: 10.1017/S0020818300018282.
- Henrikson A. K. (1997). *Middle Powers as Managers: International Mediation within, across, and outside Institutions*. In Cooper A. (Ed.) *Niche Diplomacy. Middle Powers after the Cold War*. Palgrave Macmillan. P. 46–73. DOI: 10.1007/978-1-349-25902-1.
- Higgott R. A. (1997). *Issues, Institutions and Middle-Power Diplomacy: Action and Agendas in the Post-Cold War Era*. In Cooper A. (Ed.) *Niche Diplomacy. Middle Powers after the Cold War*. Palgrave Macmillan. P. 25–45. DOI: 10.1007/978-1-349-25902-1.
- Holbraad C. (1984). *Middle powers in international politics*. Palgrave Macmillan UK. 234 p. DOI:10.1007/978-1-349-06865-4.
- Hong K. (2009). South Korean approaches to Peacekeeping and Peacebuilding, lessons learned and challenges ahead. *The Journal of East Asian Affairs*. Vol. 23. No. 1. P. 23–45.

- Howe B.M. (2017). Korea's Role for Peacebuilding and Development in Asia. *Asian Journal of Peacebuilding*. Vol. 5. No. 2. P. 243–266.
- Jordaan E. (2003). The concept of a middle power in international relations: distinguishing between emerging and traditional middle powers. *Politikon – South African Journal of Political Studies*. Vol. 30. No. 1. P. 165–181. DOI: 10.1080/0258934032000147282.
- Kang D.C. (2003). Getting Asia Wrong: The Need for New Analytical Frameworks. *Quarterly Journal: International Security*. Vol. 27. No. 4. P. 57–85.
- Kang D.C. (2004a). Hierarchy, Balancing, and Empirical Puzzles in Asian International Relations. *Quarterly Journal: International Security*. Vol. 28. No. 3. P. 165–180.
- Kang D.C. (2004b). The theoretical roots of hierarchy in international relations. *Australian Journal of International Affairs*. Vol. 58. No. 3. P. 337–352.
- Kaveshnikov N.Yu. (2008). Malye i vrednye? [Small and Harmful?]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 6. No. 3 (18). P. 84–92.
- Kim E. (2015). Korea's Middle-Power Diplomacy in the 21st Century. *Pacific Focus*. Vol. 30. No. 1. P. 1–9. DOI: 10.1111/pafo.12044.
- Kim J., Kim S. (2016). South Korea's Middle Power Diplomacy: Toward an Agenda-Partner Based Leadership. *Korean journal of defense analysis*. Vol. 28. No. 2. P. 317–333.
- Kim S. (2011). 한국의 네트워크 외교전략 – 행위자-네트워크 이론의 원용 [Strategies of Korean Network Diplomacy – Perspective of Actor-Network Theory (In Kor.)]. KAIS International Conference.
- Kim S. (2014a). Cyber Security and Middle Power Diplomacy: A Network Perspective. *The Korean Journal of International Studies*. Vol. 12. No. 2. P. 323–352. DOI: 10.14731/kjis.2014.12.12.2.323.
- Kim S. (2014b). Roles of Middle Power in East Asia: A Korean Perspective. *EAI MPDI Working Paper*. 2014. No. 2. 30 p.
- Kim S. (2014c). South Korea's Climate Change Diplomacy: Analysis Based on the Perspective of 'Middle Power Diplomacy'. *EAI MPDI Working Paper*. No. 5. P. 1–39.
- Kim S. (2016). *South Korea's Middle-Power Diplomacy: Changes and Challenges*. Research Paper, Asia Programme. Chatham House Royal Institute of International Affairs. P. 1–16.
- Kim W. (2013) 대한민국의 중견국 공공외교 [Korean middle power diplomacy (In Kor.)]. *Political Science and Communication research*. Vol. 16. No. 1. P. 331–350.
- Ko S. (2015). The Foreign Policy Goal of South Korea's UN Peacekeeping Operations. *International Peacekeeping*. Vol. 22. No. 1. P. 65–80.
- Koldunova E.V. (2016). Defitsit liderstva v Vostochnoj Azii: shansy dlya malykh i srednikh stran [Deficit of Leadership in East Asia: A Chance for Small and Middle Countries]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 9. No. 2 (26). P. 70–81.
- Koo M. (2014). East Asian Maritime Disputes and South Korea's Middle Power Diplomacy. *EAI MPDI Working Paper*. No. 7. P. 1–21.
- Koo M. (2010). *Island disputes and maritime regime building in East Asia: Between a rock and a hard place*. Springer. 208 p.
- Kook K. H., Young C. Y. (2009). International relations studies in Korea: retrospects and prospects. *Pacific Focus*. Vol. 24. No. 3. P. 402–421.
- Korolyev A.S. (2018). Strategii srednikh stran v otnoshenii velikikh derzhav: opyt Malajzii [Strategies of Middle States towards Great Powers: the Record of Malaysia]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 16. No. 1. P. 90–104.
- Kudryashova I.V. (2008). Legko li byt' srednevelikim [Is it Easy to be Averagely Great]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 6. No. 3 (18). P. 78–83.
- Lee S. (2012). South Korea as new middle power-seeking complex diplomacy. *EAI Asia Security Initiative Working Paper*. No. 25. P. 1–32.
- Lee S. (2014). South Korea's Middle Power Diplomacy: Multilayered World Order and The Case of Development Cooperation Policy. *EAI MPDI Working Paper*. No. 6. 28 p.
- Park E. (2017). Public Diplomacy of the Republic of Korea: Soft Power and the Future. Challenges & Innovations: South Korea's Soft Power. *CPD Conversations in Public Diplomacy*. University of South California. Los Angeles. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=w7jfF1C7yyE> (accessed: 21.10.2019).
- Robertson J. (2019). South Korea's missing middle power diplomacy. *East Asia Forum*. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2019/03/16/south-koreas-missing-middle-power-diplomacy/> (accessed: 21.10.2019).
- Skriba A.S. (2014). Balansirovanie malykh i srednikh gosudarstv [Balancing of Small and Medium States]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 12. No. 4. P. 88–100.
- Sohn Y. (2012). Middle Powers' Like South Korea Can't Do Without Soft Power And Network Power. *Global Asia*. Vol. 7. No. 3. P. 30–34.

- Sohn Y. (2014). The Role of South Korea in the Making of a Regional Trade Architecture: Convening, Bridging, and Designing FTA Networks. *EAI MPDI Working Paper*. No. 8. 23 p.
- Sohn Y. (2015). Searching for a new identity: South Korea's middle power diplomacy. *Fride Policy Brief*. No. 212. P. 1–6.
- Sohn Y., Koo M. (2011). Securitizing trade: the case of the Korea–US free trade agreement. *International Relations of the Asia-Pacific*. Vol. 11. No. 3. P.433–460.
- Varpahovskis E. (2020). Generating Soft Power Through Education: How South Korea approaches Central Asia with its Education Diplomacy. In Erendor M., Öztarsu, M. (Eds.) *Contemporary Issues of International Relations: The Problems of International Community*. Cambridge Scholars Publishing. 421 p.
- Vershinina V.V. (2020). “Derzhavy srednego urovnya” v mezhdunardonykh otnosheniyakh: sravnitel'nyj analiz kontseptual'nykh podkhodov [“Middle Range Powers” in the International Relations: Comparative Analysis of the Conceptual Approaches]. *Sravnitel'naya politika*. Vol. 11. No. 3. P. 25–40. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10034>
- Watson I., Pandey C. L. (2014). Environmental security and new middle powers: The case of South Korea. *Asian Security*. Vol. 10. No. 1. P. 70–95.
- Ye M., Heo U., Li Q. (2018). Economic Development and South Korea's UN PKO Participation. *Journal of Asian and African Studies*. Vol. 53. No. 5. P. 666–684.